

Я задавался вопросом, как я буду умирать много раз раньше, в течение жизни, прожитой под знаменем насилия. Но я никогда не думал, что встречу свою кончину таким образом.

И я не сомневался, что этот конец дороги для меня, подходящий. Слишком много ран жизненно важным органам, но достаточно, чтобы оставить меня в сознании на небольшой момент.

Вокруг меня лежали бандиты, стонущие пока истекали кровью до смерти. Они были членами небольшой, но жестокой, банды, которая терроризировала маленький городок, в котором я поселился. В последние минуты они, вероятно, были удивлены и запутаны тем, что старик, который подошел к ним, оказался так опасен. Но я не мог винить их. Они не могли знать, что с моих ранних подростковых лет до нескольких лет назад я занимался санкционированным убийством.

Ну, "санкционированным" в зависимости от того, кого вы спросите.

Моя "карьера" началась в забытой африканской нации, со мной, как с ребенком-солдатом под знаменем "Народно-освободительной армии", после приказов неуравновешенного монстра и закончилась несколько десятилетий спустя в роли уважаемого члена регулярной армии, служа совсем другому виду монстров. Тому, что будут пить прекрасное вино и носить блестящие ботинки.

Я ушел, не потому, что мне было противно быть не чем иным, как оружием, и не из-за того, что мое тело сломалось, а потому, что я нашел кого-то, кто заставил меня поверить, что вся остальная часть моей жизни может стоять чего-то. Это было довольно иронично, учитывая, что я умирал за его будущее.

Молодой ребенок, которого я взял под свое крыло и решил воспитать как своего. Он был почти диким, когда я впервые нашел его, и теперь, стоя надо мной с лицом полным слез, он стал тем, кого я с гордостью называют "сын".

Он пытался сказать мне что-то, но я не слышал, что он говорил. Тем не менее, я притворялся что понимаю, потому что знал, что для него это важнее, чем для меня.

Я умирал. Неважно слышал я его слова или нет, это не имело бы значения. Для него было важно не прожить всю оставшуюся жизнь, чувствуя, что он не мог рассказать мне, то что хотел. Поэтому я держал его лицо в руке и изо всех сил улыбался, когда онемение настигало меня.

Краем глаза я видел, что его жена держит свою дочь одной рукой и плачет над телефоном, который она держала в свободной руке. Она была храброй девочкой, и я был рад, что он нашел ее. Они будут в порядке.

Из последних сил я заглянул в глаза своего сына и сосредоточил всю свою силу воли на

разговоре, не прерываясь.

"Слушай, сынок... Это к лучшему. Я не мог позволить им причинить боль тебе и твоей семье. Я знаю их тип лучше, чем хочу признавать. Это становилось бы только хуже. И я не мог этого допустить."

Приступ кашля взял меня, расточая все мои усилия, чтобы казаться сильным и оставаться достойным в мой последний момент. Когда я наконец восстановил свой голос, он был слабым и трясущимся, и я знал, что он может видеть меня таким, каким я был на самом деле: старый выветрившийся старик в дверях смерти.

"Я прожил долгую и утомительную жизнь, в тоже время я так счастлив, что вы не можете себе представить" продолжал я. "Я видел много вещей, и если есть один чертовый урок, который я узнал, это то, что если у вас есть дети, - это что-то за что стоит умереть десятки раз... Я просто рад, что я мог бы быть частью вашей семьи на некоторое время, по крайней мере."

Над красно-синим световым шоу скорой помощи, прибывающей слишком поздно, он заговорил, и, хотя я все еще не мог его услышать, я мог читать его губы, говорящие: "Нашей семье".

Улыбка, которую я ему дал, была подлинной: "Держись подальше от неприятностей сын и живи счастливой жизнью. Единственное не... сожалею."

Я умер в окружении моих близких, что чертовски лучше, чем многие люди получают. Мне нравится думать, что я перешел на другую сторону с этой улыбкой на моем лице.

Способный отдохнуть, наконец.

... Или так я думал.

<http://tl.rulate.ru/book/17095/345013>